

Раздел III. Юридические технологии

ББК 67.0

О.А. Андреева

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА РФ В ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ: ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

В статье показано, что наука и научная деятельность включает в себя, наряду со знанием законов объективного мира, аксиологические и праксиологические моменты, связанные с трансформацией правового и научного менталитета в процессе динамики общественных отношений, включающих в себя цели, интересы и потребности государства и общества. Правовое осмысление проблем науки и образования позволяет определить основные принципы и приоритеты политики государства в развитии инновационной составляющей науки в целях ее дальнейшей социализации и специализации в системе информационного общества.

Наука; культура; ценности; герменевтика; парадигма; императив; истина; праксиология.

O.A. Andreeva

LEGAL POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE FIELD OF EDUCATION AND SCIENCE: PHILOSOPHICAL-LEGAL ASPECT

In article shown that science and scientific activity includes, along with the knowledge of the laws of the objective world, axiological and praxiological issues associated with the transformation of legal and scientific mentality in the process of the dynamics of social relations, including the goals, needs and interests of the state and society. The legal understanding of the problems of science and education allows you to define the basic principles and priorities of state policy in the development of the innovative component of the science for the purpose of its further socialization and specialization in the system of the information society.

Science; culture; values; hermeneutics; paradigm; the imperative; truth; praxiology.

Политико-правовое представление о научном процессе включает в себя изменения его аксиологических и праксиологических основ, что связано с трансформацией менталитета под влиянием реалий современного общества. Традиционно под наукой понималось знание, характеризующееся истинностью, поиском и результатом. Парадигмы знания менялись по ходу истории: в античном мире – это философия и методология; в Средние века – теология; в Новое время – математика и естественные науки, а в настоящее время – электроника и информатика. Исторический процесс становления науки в России, как отмечает А.А. Погорова, «сопровождается поиском «самобытного» просвещения и общечеловеческих основ воспитания. Многообразие подходов к трактовке образования как социально-культурного и политико-правового института может быть сведено к двум исторически и онтологически связанным подходам – западническому и славянофильскому» [1]. Этим подходам был присущ этический статус размышлений о человеке науки, ориентированный на бытие личности в мире абсолютных ценностей.

Со временем требования к этике и морали научного познания ослабевали и на место абсолютной уверенности в его достоверности пришли менее жесткие характеристики, такие как объективность, верифицируемость, самокоррекция и так далее. Одним из факторов развития науки и научного знания выступает интерес, создающий основы для творческой деятельности, так как он нацелен на преобразование действительности, удовлетворение социальных потребностей, т.е. выступает как активная сила, побуждающая ученого к познавательной деятельности. В силу этого, интересы и ценности становятся базовым мотивом в научной деятельности. «Через интерес, – полагает А.Ю.Ломаев, характеризуется отношение человека к окружающему его миру, другими словами категория интереса отражает отношение человека к таким вещам и явлениям, которые имеют для него определенное значение и наполняют смыслом его существование. Именно в таком отношении, объективная и субъективная стороны интереса находят свое выражение во всей противоречивости» [2] и единстве научного поиска. Сказанное позволяет сделать вывод, что интерес составляет ценностную позицию познающего субъекта и выступает побудительным мотивом в области научных исследований.

С одной стороны, признается, что наука свободна от ценностей, а с другой, – посредством философии в нее вносятся политические, моральные и другие мотивы, с учетом того, что, по мнению ряда ученых, философия, политика, право, мораль, искусство и религия не являются в подлинном смысле науками, так как не содержат объективных результатов своих исследований. Сближение науки с другими формами общественного сознания означает ее социализацию и гуманизацию, так как достигнут предел того, что наука сама по себе больше не философия. Перед наукой встали такие глобальные проблемы, что их традиционными формами научного познания разрешить невозможно. Как говорил доктор Фауст, «что человек душой понять не мог, того не объяснить винтом и рычагами», т.е., если бы наука была всесильна, то она за триста лет своего реального господства, смогла бы переделать мир и человека на подлинно научных принципах, с которыми не поспоришь. Так как этого не произошло, то следует признать ее ограниченность в смысле кантовского понимания пределов человеческого разума.

Кроме того, наука не может заменить собой все формы общественного сознания, так как в этом случае на место человеческого сознания становится логически не противоречивый социальный продукт, т.е. электронный мозг. Но, несмотря на то, что уже тысячу раз было доказано, добро лучше зла, тем не менее, человек в своей деятельности продолжает выбирать между ними. Тем самым, ни история науки, ни история цивилизации сами по себе не приводят к торжеству добра и к низвержению зла: процентное содержание того и другого в человеческой деятельности остается примерно одним и тем же на протяжении всей его истории, как загадка сфинкса, которую еще предстоит разгадать. Если это применить к науке, то не будет объективности, так как ценности связаны с личностным выбором человека: если не применять, то голос науки останется голосом вопиющего в пустыне. Поэтому истина лежит, как всегда, посередине: наука должна быть гуманитарной, т.е. наукой человечества, в которой объективная истина достигается общественным человеком. «В иерархии ценностей, – пишет В.И. Хайрулин, выделяют также общечеловеческие, которые отличаются своей универсальностью, всеобщей значимостью, практической необходимостью и полезностью для всего человечества. Они имеют характер принципов, сформулированных на уровне общения, и являются основными решающими факторами общественного прогресса и всей мировой культуры и цивилизации» [3]. Впрочем, если наука будет пренебрегать такими ценностями, то это будет означать сдачу достижений цивилизации в

пользу техногенного общества, не нуждающегося в ценностях, а с другой стороны – капитуляцию перед двоичной системой мер. В таком случае из всех философских систем будущее будет принадлежать пифагоризму, считающему, что все есть число.

Конечно, мир безграничен, но человечество ограничено в жизни, истории и познании. Конечному человечеству бесконечно расширяющаяся наука может стать непосильной ношей, вплоть до самоуничтожения. Если разумно определить цели, задачи и средства человека и человечества, то они в действительности сводятся к достижению достойной жизни, которая определяется менталитетом эпохи. Экспонента науки не совпадает с экспонентой человеческого счастья, к которому, как известно, как конечной цели стремится и человек и общество. Если упростить общественные идеалы, убавив в них именно идеализм, то многие цели могут оказаться реальными и достижимыми.

Общественная идеология так запутала вопрос о предназначении человека, что всех ресурсов природы не хватит для его реализации. На самом деле, истинно этот вопрос был решен еще в глубокой древности: участь человека и живой твари, как говорится в Экклесиасте – одна: «вышли из праха и уйдут в прах». Не впадая в неуместный морализм, следует указать, что это общая участь предметного мира и с ней следует согласиться как с неизбежностью, роком и уже в пределах этого строить теоретическую парадигму человеческой истории. Отказавшись от невыполнимых фантазий, человечество, именно в науке, определяет границы своей экзистенции, отнеся все иное к области мифологии, как умонастроению «детского» периода своей истории.

Детство истории является, возможно, лучшим периодом в развитии человечества истории, но возвратиться к нему нельзя, кроме того, и бессмысленно. Итальянский философ Джакомо Леопарди в свое время в «Разговорах» писал, что, по большому счету, никто бы не хотел вернуться в детство и еще раз прожить свою жизнь. Желание прожить жизнь другого человека – это желание повторить то, от чего отказывается другой, чью жизнь хотелось бы повторить. Несмотря на некоторую парадоксальность в «Разговорах» Джакомо Леопарди сокрушал призраки человечества и предвосхитил те же идеи, что высказаны уже в наше время в постмодернистских философских течениях. То же самое запечатлел Гойя в картине «Сон разума порождает чудовищ», как извращенное восприятие человеком действительности. Можно предположить, что свободе наука уже научилась и стало понятно, что дальнейшая ее судьба связана с философией. Наука никуда никого не зовет и ничего не объясняет, а отражает лишь факты, которые могут однажды погубить цивилизацию. «В диалекте старого и нового знания, – пишет О.А. Андреева, проявляется тенденция борьбы нестабильности со стабильностью, приводящая на новые круги знания, не позволяющие творчеству остановиться на достигнутых результатах» [4]. При этом стабильность выступает как сумма накопленных истин, но процесс познания идет в глубь по пути к абсолютной истине.

Цель науки – установить, как обстоят дела, а не как они должны обстоять, так как долженствование, предписание, запреты являются предметом этики. Поэтому нельзя допускать этику в науку – иначе возникает угроза ее свободе. Было время, когда религиозные или идеологические догмы претендовали на контроль над наукой, но такое может случиться и опять под предлогом защиты моральных ценностей в науке, тогда как ее ценностью является объективная истина, которая больше, чем мораль. «Апеллируя к науке, как к инстанции, устанавливающей меру целесообразности, тех или иных проектов, – отмечают В.И. Стрельченко и И.И. Клименко, XX век продемонстрировал не столько всемогущество, сколько беспомощность человеческого разума перед лицом не редко им же созданных антрополого-

образовательных программ» [5]. Такая точка зрения является следствием общей неустойчивости бытия, с одной стороны, а с другой – порождается погоней за новыми достижениями в науке, технике и культуре.

Современная наука выработала критерии истинности знания – это эмпирические данные и логическая непротиворечивость, но когда их становится для современной науки недостаточно, тогда появляются менее строгие критерии, такие как полезность, простота, многообразие связей с другими теориями и так далее. Такие качества называют достоинствами или ценностями или, как говорят, «аксиологией науки». Но перечисленные критерии нельзя отнести к ценностям, скорее это когнитивные ценности, так как они просто расширяют класс критериев обоснованности. Нельзя рассматривать науку как просто систему знаний, так как научное знание это не «вещь», подобная явлениям природы, а продукт сложной человеческой профессиональной деятельности ученых. Эта деятельность имеет ментальный характер, но в значительной мере состоит из конкретных операций по использованию сложных приборов, созданию административных структур для получения финансовой поддержки и других способов организации научного поиска. Поэтому о науке, как и о любой человеческой деятельности, можно говорить хорошая она или плохая, правильная или неправильная. Тем самым, можно определить, какого рода моральные суждения касаются науки. Они не могут применяться к научным суждениям, высказываниям, так как единственным критерием их принятия является истинность, поэтому не может быть незаконных или запрещенных научных (не научных) истин. Моральный императив не может превратить ложь в истинную теорию, или осуждать теории, являющиеся научно правильными. Моральные оценки научной деятельности связаны, прежде всего, с тем, что поиск истины всегда позитивен, но известно, что существует много около научных способов заниматься лженаукой, как например, когда нужно исказить истину для удовлетворения личных или иных интересов. «Категория интереса в науке, – считает А.Ю. Ломаев, является одной из базовых, характеризующих активное отношение человека к окружающему его миру...очевидно, что науки изучают феномен интереса, его отдельные аспекты со своих позиций, отражающих предметы и методы этих наук» [6]. В целом, занятия наукой, в соответствии с ее подлинной природой, включает в себя интерес, а это всегда нравственно и похвально, и полезно.

Добросовестное выполнение научной работы формирует определенные нравственные привычки: самодисциплину, упорство, научную добросовестность, самокритичность и так далее, что скорее является достоинством человека, а не науки вообще. Нравственная оценка науки зависит от целей, которые ставят ученые и которые побуждают их заниматься поиском истины. В процессе научной деятельности могут возникать ситуации, когда от позиции ученого зависит научный результат. Однако возникают парадоксальные ситуации, когда научные истины ставят дилемму выбора между долгом и интересом. В итоге получается, что «цель оправдывает средства», личные интересы становятся важнее научных, «если нельзя, но очень хочется, то можно» и так далее.

«Постмодернистская критика европейской рациональности осуществляется в контексте предельной радикализации идей эпистемологического релятивизма и, вместе с тем, ориентировано на максимально широкое использование ее собственного концептуального и терминологического арсенала в целях доказательства универсальности структур мифологического мышления и ошибочности убеждений в непогрешимости процедур логико-дискурсивного (или опытно-экспериментального обновления) научных истин» [7]. Поэтому заново встает вопрос о том, является ли рациональность источником истинных знаний, которые могут считаться основой построения современных научных теорий.

В этом случае ученые рассматривают себя в качестве инструментов для выполнения своей работы, что становится не так однозначно, когда результаты представляют угрозу человечеству и его цивилизации. Следовательно, нельзя игнорировать конкретные результаты при этическом рассмотрении научной деятельности. Впрочем и чистая наука может быть политизирована, когда деньги уходят не на результат, а на тщеславие ученого. В таких случаях «цель не оправдывает средства», – что применимо и к науке. В области экспериментальных наук истину нельзя открыть чистым размышлением или наблюдением, так как требуется выполнение определенных операций по сбору эмпирического материала, что предполагает манипулирование исследуемым предметом, но само по себе манипулирование – это действие, а не знание, которое при определенных обстоятельствах может стать морально не приемлемым.

Когда предметом исследования была природа, то любое манипулирование с ней считалось морально допустимым, но не в настоящее время, когда это связано с людьми и содержит моральные ограничения; как в случае с экспериментами с человеческим эмбрионом, генетическим моделированием, клонированием и так далее. Здесь мораль порождает ограничения, несмотря на благие цели. Выделение средств из бюджета на науку – это также моральный выбор, так как их можно израсходовать и на другие цели. Особенно, когда это не прикладное исследование и на быстрый результат рассчитывать не приходится. Вопреки морали могут возникать ситуации, связанные не столько с открытием истины, сколько с информацией о ней в сенсационном духе, сопровождающейся надуманной интерпретацией, которая может оказать отрицательное воздействие на общественное мнение. Поэтому морально-безупречное манипулирование научными результатами должно стать этическим императивом ученых и популяризаторов науки. Мораль проявляется через установленные нормы, содержащиеся в нравственных кодексах, религиозных доктринах, традициях и обычаях, в которых указывается, что есть добро и зло, т.е. что разрешено и что запрещено. Они императивны и отличаются от «правил ремесла», «инструкций пользователю», которые не полагают моральных обязанностей, а просто указывают простейший способ достижения цели.

В настоящее время активно обсуждается проблема о том, можно ли вмешиваться в сферу науки, тем самым ограничивая ее свободу. В самом деле, из того, что действия могут или должны подвергаться регулированию, не следует, что они не могут быть свободными. Наука редко существует как «вещь в себе», обычно она внедряется в практику, где подвергается оценке со стороны общественности. Лучшим регулятором науки является добросовестность ученого, т.е. деятельность, основанная на общечеловеческих ценностях, а, следовательно, мораль присутствует в науке через самих ученых. Когда наука есть способ взять у природы столько, сколько она не может дать, то естественно, что морально-нравственные регуляторы должны быть в руках гражданского общества, так как только оно может судить беспристрастно о пользе или вреде приносимых наукой.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Погорова А.А.* Политико-правовой анализ российских национальных интересов в сфере образования // *Философия права.* – 2011. – № 6. – С. 55.
2. *Ломаев А. Ю.* К вопросу о понятии интереса в современной философии права // *Правовая политика и правовая жизнь.* – 2011. – № 4. – С. 44.
3. *Хайрулин В.И.* Справедливость как комплексная ценность // *Государство и право.* – 2010. – № 3. – С. 100.
4. *Андреева О.А.* Стабильность и нестабильность в контексте социокультурного развития. – Таганрог, 2000. – С. 13.

5. Стрельченко В.И., Клименко И.И. Рациональность и антрополого-образовательный проект // Философия права. – 2011. – № 6. – С. 12.
6. Ломаев А.Ю. К вопросу о понятии интереса в современной философии права // Правовая политика и правовая жизнь. – 2011. – № 4. – С. 39.
7. Стрельченко В.И., Клименко И.И. Указ. соч. – С. 13.

Статью рекомендовал к опубликованию д.ю.н., профессор И.В. Тимошенко.

Андреева Ольга Александровна – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Южный федеральный университет»; e-mail: ol-andr1@yandex.ru; 347928, г. Таганрог, пер. Некрасовский, 44; тел.: 88634371652, 89043467043; кафедра теории права; д.ф.н.; профессор.

Andreeva Ol'ga Alexandrovna – Federal State-Owned Autonomy Educational Establishment of Higher Vocational Education “Southern Federal University”; e-mail: ol-andr1@yandex.ru; 44, Nekrasovskiy, Taganrog, 347928, Russia; phones: +78634371652, 89043467043; the department of theory of law; dr. phil. sc.; professor.

УДК 342

В.А. Бушуев

ПОНЯТИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ И ЗАРУБЕЖНОМ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОМ ДИСКУРСЕ

Раскрыты основные понятия и представления, составляющие категорию национальной безопасности, рассмотрена эволюция понятия безопасности с глубокой древности до современного его понимания в широком спектре как западных классических источников, так и российского правового дискурса. Показана эволюция понятия «национальная безопасность» в отечественной политико-правовой традиции, представлено понимание национальной безопасности России в рамках сложной системы, содержащей общесистемные признаки и необходимые условия ее функционирования, такие как целостность, относительная самостоятельность и устойчивость.

Безопасность; национальная безопасность; национальные интересы личности; общества и государства.

V.A. Bushuev

CONCEPT OF NATIONAL SECURITY IN DOMESTIC AND FOREIGN LEGAL DISCOURSE

The article reveals basic concepts and ideas that constitute a category of national security and examines an evolution of security notion from ancient times to its modern understanding in a wide range of both Western classical sources and ones of Russian legal discourse. Evolution of the notion «national security» in native political and legal tradition is shown. Understanding of the national security of Russia within a complex system containing common features and the necessary conditions for its functioning such as integrity, relative independence, stability, is presented.

Security; national security; national interests of personality; society and state.

С глубокой древности и в течение довольно длительного периода в мире доминировали религиозные и философско-этические взгляды на категорию безопасности. Понимание безопасности человеком трактовалось им как отсутствие для него опасности или зла. Аристотель, как и Платон, считал, что безопасность индивидов должно обеспечивать государство путем управления общественной жизнью ради достижения справедливости и общего блага [1]. Более широкое значение понятие безопасности стало приобретать в учениях философов XVII–XVIII вв. Бла-